

Contents

Note on Translation and Transliteration	6
Introduction	7

Part One. How "THE NOSE" IS MADE

H. B. ГОГОЛЬ «Нос»	13
Annotations to the Russian Text	49
I	51
II	63
III	82
Language Game as the Engine of the Plot	85

Part Two. INTERPRETATIONS

1. Joke, Farce, Anecdote	112
2. Social Satire	125
3. Mockery of the Demonic and of the Sacred	133
4. Chronicle of Folk Superstitions	149
5. A Case of Castration Anxiety	161
6. An Echo of German Romanticism	168
7. Perfect Nonsense	179
8. Shostakovich's Opera <i>The Nose</i>	191
9. A Play with Reality: "The Nose," Kafka, and Dalí	207
Instead of a Conclusion	219
Selected Bibliography	220
Index	232
Acknowledgements	236

Note on Translation and Transliteration

Unless otherwise indicated, all translations from the Russian are mine. Russian names in the text are spelled in the form most familiar to English readers. For all other Russian words I have followed the Library of Congress transliteration system.

Introduction

A great number of books and scholarly articles have been devoted to Gogol's artistic language, but just a few of them are dedicated specifically to the language and style of Gogol's "The Nose" —the story about a collegiate assessor, Platon Kuzmich Kovalev, who awakes on the morning of March 25 to discover that his nose is missing.¹ The reason for this absence may very well be the story's uniqueness, as "The Nose" differs significantly from all other works by Gogol. Unlike many of them, it does not contain archaic bookish vocabulary or metaphors of early romanticism. In contrast with Gogol's Ukrainian short stories and his novel *Dead Souls*, there are very few litotes and hyperboles in the work, and it has no lyrical digressions. "The Nose" also differs from the stories of his Petersburg cycle.

For example, unlike "The Overcoat," with its protagonist's famous emotional complaint "Why do you insult me?," "The Nose" does not contain sentimental passages. In comparison with

¹ The most notable studies on Gogol's artistic language and style include I. E. Mandel'shtam, *O kharaktere gogolevskogo stil'ia: Glava iz istorii russkogo literaturnogo iazyka* (Gel'singfors: Novaia tip. Guvudstadsbladet, 1902). See also works by Viktor Vinogradov, such as *Gogol' i natural'naia shkola* (Leningrad: Obrazovanie, 1925) (English edition: V. V. Vinogradov, *Gogol and the Natural School*, trans. Debra K. Erickson and Ray Parrott, introd. by Debra K. Erikson [Ann Arbor, MI: Ardis, 1987]); "Etiudy o stile Gogolia," in *Poetika russkoi literatury: Izbrannye trudy* (Moscow: Nauka, 1976), 228–66; *K istorii leksiki russkogo literaturnogo iazyka*, ed. L. V. Shcherba (Leningrad: Academia, 1927), *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka XVII–XIX vv.* (Moscow: Gos. uchebno-ped. izd-vo, 1934); "Iazyk Gogolia i ego znachenie v istorii russkogo iazyka," in *Iazyk i stil' russkikh pisatelei: Ot Gogolia do Akhmatovoi; Izbrannye trudy*, ed. A. P. Chudakov (Moscow: Nauka, 2003), 54–96. Another important work is Andrei Belyi, *Masterstvo Gogolia: Issledovanie*, foreword by L. Kamenev (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1934) (English edition: Andrei Bely, *Gogol's Artistry*, trans. and introd. by Christopher Colbath, foreword by Vyacheslav Ivanov [Evanston, IL.: Northwestern University Press, 2009]).

"The Notes of a Madman," it has fewer expressions derived from bureaucratic jargon. In contrast with "Nevsky Prospect" and its famous claim about the city's main artery—"It lies all the time, this Nevsky Prospect, but most of all at the time when night heaves is dense mass upon it . . . when the whole city turns into a rumbling and brilliance, myriads of carriages tumble from the bridges . . . and the devil himself lights the lamps only so as to show everything not as it really looks"—there are no exaggerations in the description of the city in "The Nose."² In other words, the question of what constitutes the specific stylistic and lexical features of this story is still open.

In the annotations to the Russian text in the first part of this book, I intend to demonstrate that the originality of the story owes a great deal to Gogol's wordplay on idiomatic expressions, which are abundant in the work, specifically to the technique of "literalizing" Russian idioms. To be sure, the prime example of such literalization is Gogol's play with the idiom *остаться с носом* ("to be fooled"; lit. "to be left with a nose"); this idiom has been noted in Gogol studies on many occasions. In its inverted form it serves as the engine of the plot: the story of how Major Kovalev was left *without* his nose. The annotations demonstrate that there are dozens of other examples in Gogol challenging the stability of lexical components in set phrases. This device is used for a variety of purposes: to create a comical effect, a biting satire of Russian society, an ironic mode, and a sense of absurdity.

These twisted and turned idioms often remain unnoticeable to English readers. Walter Redfern, a renowned scholar of French literature, rightfully observes, "Idioms are the hardest part of a language for a foreigner to use or understand appositely. As their root suggests they are the most autarkic area of speech and writing. The segments that make them up frequently create something different as a totality."³

² Nikolai Gogol, "Nevsky Prospect," in *The Collected Tales of Nikolai Gogol*, trans. Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (New York: Pantheon Books, 1998), 278.

³ Walter Redfern, *Clichés and Coinages* (Oxford: Basil Blackwell, 1989), 126.

The purpose of my annotations is to facilitate the reading of this little masterpiece. The annotations also focus on confusing stylistic details, oddly formed sentences, as well as many other obscure remarks the narrator makes in his witty banter with the reader. Gogol's descriptions of everyday life in St. Petersburg would have been familiar to his contemporaries and fellow citizens but are hidden from the modern reader, therefore they require commentaries as well. To make the use of annotations more convenient, the book opens with the Russian text of the story.⁴

In the section titled "How 'The Nose' is Made: Language Game as the Engine of the Plot," I state that the main protagonist of the story is the Russian language. There I also formulate the role and functions of Gogol's narrative manner and point out that Gogol's play on idiomatic expressions in "The Nose" creates a form of *skaz*—a type of narrative recounted by a person whose manner of speech is different from the style of the author. In other words, the development of the plot in "The Nose" is propelled by the narrator's masterful language game with the reader.

The second part of the book is devoted to the story's interpretations. In 1859, the literary critic Apollon Grigoryev, who referred to his own style of criticism as "organic" (in contrast with the socially oriented critics Vissarion Belinsky, Nikolai Chernyshevsky, and Nikolai Dobrolyubov), commented on "The Nose" with a subtle

⁴ There are three editions of "The Nose"—the 1835 version sent to the *Moscow Observer*; the 1836 version published in Pushkin's *The Contemporary* (*Sovremennik*), and the 1842 version as part of Gogol's first collected works. Because of his censors' criticism, Gogol was forced to alter some details in the second and third versions. The second one is more concise than the first and has a different ending. The scene in Kazan Cathedral was criticized by censors, so Gogol replaced Kazan Cathedral with Gostiny Dvor (a vast department store in Saint Petersburg). Gogol also removed the suggestion that the "incredible incident" happened in the dream and added an ironic afterword, a parody of a review in the conservative newspaper *The Northern Bee*. In the third version, Gogol again revised and expanded the ending of the story, turning it into a third chapter. See N. L. Stepanov's commentary in N. Gogol', *Polnoe sobranie sochinenii*, 14 vols. (Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1952), vol. 3, ed. N. L. Meshcheriakov, 649–60. The third version is now considered canonical.

warning against excessive interpretations of this story: "The most original and bizarre work, where everything is fantastic and at the same time everything is extremely poetic truth, where everything is clear without an explanation and where any explanation would kill poetry."⁵ The next four decades were a period of silence, but at the turn of the twentieth century Gogol's work, including "The Nose," became the focus of attention for many Russian writers and critics, who approached it from different perspectives. In his essay "Gogol" (1909), Andrey Bely wrote, "I don't know who Gogol is: a realist, symbolist, romantic or classicist . . . . Gogol is a genius whom you cannot approach at all with a scholastic definition. I have a penchant for symbolism; consequently, it is easier for me to see the features of Gogol's symbolism; a romantic will see a romantic in him; a realist will see a realist."⁶

As short as it is, the story inspired scholars belonging to different branches of literary studies to search for very different motivations for the disappearance of the nose from Major Kovalev's face, and to view the story from sociological, formalist, psychoanalytic, folk, religious, intertextual, mythological, and philosophical perspectives. Scholars have debated the meaning of the story, some of them claiming that it has none. Funny, fantastic, and original, in the course of the past 185 years, "The Nose" has been approached from a great variety of perspectives; it was viewed as a mere joke and as a satire of Russian society; as Gogol's mystical insight and as an expression of his anticlerical feelings; as a case of castration anxiety and as pure nonsense.

The second part provides an overview of a broad spectrum of such perspectives and of a wide range of interpretations, which are often oppositional and contrasting, but not mutually exclusive. Despite Apollon Grigoryev's warning, the interpretations given by Gogol's first critics, the ideas voiced by the scholars in the twentieth

⁵ Apollon Grigor'ev, *Literaturnaia kritika* (Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1967), 194.

⁶ Andreiy Belyi, "Gogol'," in *Gogol' v russkoi kritike: Antologiya*, ed. S. G. Bocharov (Moscow: Fortuna, 2008), 268–69.

Introduction

century, as well as some more recent insightful studies published both in Russia and in the West, coexist and do not kill the poetic truth of "The Nose." Instead, they give evidence of its versatility.

PART ONE

HOW “THE NOSE” IS MADE

Николай Гоголь

Нос

I

1   Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие. Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленною щекою и надписью: «И кровь отворяют» — не выставлено ничего более), цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

2   — Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, — сказал Иван Яковлевич, — а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

3   (То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом, ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.) «Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше, — подумала про себя супруга, — останется кофию лишняя порция». И бросила один хлеб на стол.

4   Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. «Плотное! — сказал он сам про себя, — что бы это такое было?»

5   Он засунул пальцы и вытащил — нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще, казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.

6   — Где это ты, зверь, отрезал нос? — закричала она с гневом. — Мошенник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так беребишь за носы, что еле держатся.

7   Но Иван Яковлевич был ни жив ни мертв. Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую среду и воскресенье.

8   — Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок; пусть там маленько полежит, а после его вынесу.

9   — И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?.. Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!

10   Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал — и не знал, что подумать.

11   — Черт его знает, как это сделалось, — сказал он наконец, почесав рукою за ухом. — Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие

несбыточное: ибо хлеб — дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..

12 Иван Яковлевич замолчал. Мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, привела его в совершенное беспамятство. Уже ему мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом. Наконец достал он свое исподнее платье и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увещаниями Прасковьи Осиповны, завернул нос в тряпку и вышел на улицу.

13 Он хотел его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок. Но, на беду, ему попался какой-нибудь знакомый человек, который начинал тотчас запросом: «Куда идешь?», или: «Кого так рано собрался брить?» — так что Иван Яковлевич никак не мог улучшить минуты. В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще издали указал ему алебардою, примолвив: «Подыми! вон ты что-то уронил!» И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман. Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере того так начали отпираться магазины и лавочки.

14 Он решился идти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?.. Но я несколько виноват, что до сих пор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеке почтенном во многих отношениях.

15 Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был

у него вечно небрит. Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегий; то есть он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках; воротник лоснился, а вместо трех пуговиц висели одни только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник, и когда коллежский ассессор Ковалев обыкновенно говорил ему во время бритья: «У тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки!» — то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: «Отчего ж бы им вонять?» — «Не знаю, братец, только воняют», — говорил коллежский ассессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бородою — одним словом, где только ему была охота.

16   Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся на перила, будто бы посмотреть под мост: много ли рыбы бегают, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд; Иван Яковлевич даже усмехнулся. Вместо того чтобы идти брить чиновничьи подбородки, он отправился в заведение с надписью «Кушанье и чай» спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального надзирателя благородной наружности, с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою. Он обмер; а между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил:

17   — А подойди сюда, любезный!

18   Иван Яковлевич, зная форму, снял издали еще картуз и, подошедши проворно, сказал:

19   — Желаю здоровья вашему благородию!

- 20 — Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?
- 21 — Ей-Богу, сударь, ходил брить, да посмотрел только, шибко ли река идет.
- 22 — Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!
- 23 — Я вашу милость два раза в неделю, или даже три, готов брить без всякого прекословия, — отвечал Иван Яковлевич.
- 24 — Нет, приятель, это пустяки! Меня три цирюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот изволь-ка рассказать, что ты там делал?
- 25 Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно.

II

- 26 Коллежский ассессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: «брр...» — что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский ассессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

27

Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский ассессор. Коллежских ассессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими ассессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежские ассессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском ассессоре, то все коллежские ассессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах. Ковалев был кавказский коллежский ассессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским ассессором, но всегда майором. «Послушай, голубушка, — говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки, — ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? — тебе всякий покажет». Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева». По этому-то самому и мы будем вперед этого коллежского ассессора называть майором.

28

Майор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов,

также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, которые имеют полные, румяные щеки и очень хорошо играют в бостон: эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середя, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то — эскуторского в каком-нибудь видном департаменте. Майор Ковалев был не прочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестой случится двести тысяч капитала. И потому читатель теперь может судить сам, каково было положение этого майора, когда он увидел вместо довольно недурного и умеренного носа преглупое, ровное и гладкое место.

- 29   Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он должен был идти пешком, закутавшись в свой плащ и закрывши платком лицо, показывая вид, как будто у него шла кровь. «Но авось-либо мне так представилось: не может быть, чтобы нос пропал сдуру», — подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотретья в зеркало. К счастью, в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты и расставляли стулья; некоторые с сонными глазами выносили на подносах горячие пирожки; на столах и стульях валялись залитые кофею вчерашние газеты. «Ну, слава Богу, никого нет, — произнес он, — теперь можно поглядеть». Он робко подошел к зеркалу и взглянул. «Черт знает что, какая дрянь! — произнес

он, плюнувши. — Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..»

30 С досадою закусив губы, вышел он из кондитерской и решился, против своего обыкновения, не глядеть ни на кого и никому не улыбаться. Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, все перевернулось у него в глазах; он чувствовал, что едва мог стоять; но решился во что бы то ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа, как в лихорадке. Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: «Подавай!» — сел и уехал.

31 Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! Он побежал за каретою, которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

32 Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для

глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери. Ковалев чувствовал себя в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах был молиться, и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.

33   «Как подойти к нему? — думал Ковалев. — По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Черт его знает, как это сделать!»

34   Он начал около него покашливать; но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны.

35   — Милостивый государь... — сказал Ковалев, внутренне принуждая себя ободриться, — милостивый государь...

36   — Что вам угодно? — отвечал нос, оборотившись.

37   — Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу, и где же? — в церкви. Согласитесь...

38   — Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь...

39   «Как мне ему объяснить?» — подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал:

40   — Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru